

УДК 323.22/28(575.2)

ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ

А.Б. Элебаева, З.А. Джаныбекова

Рассматриваются особенности политического представительства интересов в Кыргызстане.

Ключевые слова: политическое представительство интересов; политическая трансформация; традиционная структура общества; советская политическая система; авторитаризм, парламентаризм.

FACTORS OF POLITICAL REPRESENTATION OF INTERESTS IN KYRGYZSTAN

A.B. Elebaeva, Z.A. Dzhanibekova

It is considered features of political representation of interests in Kyrgyzstan.

Key words: political representation of interests; political transformation; traditional structure of society; Soviet political system; authoritarianism; parliamentarism.

Для постсоветских государств проблема политического представительства интересов приобретает особую актуальность с распадом СССР в 1991 г. и последовавшими за этим событием грандиозными изменениями в экономике, в политических системах постсоветских стран, которые рассматриваются и анализируются в контексте парадигмы демократического транзита или трансформации бывших республик СССР.

Анализируя особенности демократического транзита Кыргызстана, динамику и тенденции в развитии политических процессов в республике с начала 1990-х годов, исследователи Кыргызстана рассматривают их, выделяя определенные этапы преобразований и характерные особенности каждого этапа.

Так, первый этап приходится на период 1991–1994 г.г., наиболее трудный для республики, поскольку он характеризовался перерастанием системного кризиса в социально-экономический, дестабилизационными процессами в финансовой и социальной сферах. К 1993 г. сложились предпосылки для проведения конституционной реформы, реорганизации государственных институтов. Острым был вопрос о выборе формы правления: президентской или парламентско-президентской (смешанной) [1, с. 111].

Необходимо отметить, что в начале преобразований Кыргызстан пытался осуществлять реформы

по “западному образцу”, пытаясь копировать модель развития западных демократий, что подразумевало в экономике стремительный переход к рынку по модели “шоковой либерализации”, а в политике – демократизацию общества, утверждение принципа разделения властей в системе государственного управления, формирование многопартийности, утверждение политического плюрализма. Инициатором этих реформ выступала политическая элита, в то время как общество, как отмечают исследователи, по своей структуре и доминирующим ценностям не было готово к таким изменениям. Наличие в обществе различных региональных групп на фоне сохранения патриархального уклада, позволяет говорить о наличии такого явления, как трайбализм, что совершенно не вписывалось в формат проводимых реформ. Поэтому уже на этом этапе преобразований оказалось очевидным несоответствие между желанием политической элиты сконструировать демократическую политическую систему по западному типу и реально существующими традиционными, социокультурными особенностями кыргызстанского общества.

Второй этап начинается с 1995 г., и для него было характерно нарастание авторитарных тенденций, перераспределение политической власти в пользу президента и ослабление роли парламента. В результате оформляется модель президентской республики, основанная на моноцентризме – доминировании

одного актора. Особенность моноцентричных политических режимов состоит в том, что основными акторами являются неформальные институты. Представительные институты (парламенты) не играют определяющей роли в политическом процессе, не выступают в качестве механизма согласования политических интересов при принятии государственных решений. Альтернативой парламентаризму выступают институты корпоративного представительства и клановые общности [1, с. 111–112].

Таким образом, с 1995 г. на первый план в республике выходят интересы президента и его ближайшего окружения, что нашло выражение в целенаправленном создании условий для недопущения реальной конкуренции и ограничения числа акторов в политических процессах, отсутствие условий для реального, эффективного представительства интересов. В это время президент делает ставку и ищет опору своей власти именно в традиционных связях и отношениях. Многие эксперты и исследователи подчеркивают, что постепенно значение традиционных связей и отношений становится определяющим в политических процессах в Кыргызстане.

Так, например, анализируя причины мартовских событий 2005 г. в Кыргызстане, эксперт по странам Центральной Азии З. Тодуа подчеркивает, что после прихода к власти А. Акаева северный клан стал быстро набирать силу, хотя и до этого он превосходил южный клан по численности и потенциалу. Показателем этого является тот факт, что вплоть до мартовских событий 2005 г. в верхних эшелонах власти было намного больше представителей северного клана, чем южного. Так, в начале 2000-х годов, все силовые структуры республики, экономический блок правительства, ключевые должности в аппарате президента, основные сферы бизнеса возглавляли представители северного клана, сторонники А. Акаева. Возглавлял пирамиду власти семейный клан Акаевых, под контролем которого находились добыча и реализация золота, других полезных ископаемых, ему принадлежало множество предприятий, в Бишкеке в его собственности находился ряд престижных магазинов и торговых центров [2, с. 21].

Почему в Кыргызстане стало возможным превращение президента в центральную фигуру в динамике политических процессов? Исследователь З. Чотаев объясняет сложившуюся ситуацию неразвитостью политической и правовой культуры кыргызстанского общества и выделяет определяющую роль личных качеств и намерений президента, который шел по пути монополизации власти и использовании своих полномочий не во благо развития страны и государства, а в своих личных интересах, интересах своей семьи и своего окружения [3, с. 52].

Что касается определяющей роли традиционных связей и отношений в политическом процессе в постсоветский период, то в современных научных публикациях исследователи отмечают этот фактор как характерный не только для Кыргызстана, но и для других стран Центральной Азии, но с учетом специфики такой традиционной организации общества в каждой отдельной стране региона. Необходимо отметить, что традиционные отношения и связи сумели показать свою жизнеспособность и высокую приспособляемость за 70-летний период советской истории в условиях существования централизованной системы государственного управления с четким распределением полномочий между центром (Москвой) и союзными республиками.

В частности, российские исследователи А. Богатуров, А. Дундич, Е. Троицкий в работе «Центральная Азия: “отложенный нейтралитет” и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики» отмечают, что семь десятилетий полунасильственной модернизации центральноазиатских обществ в составе СССР и еще два десятилетия реформ в качестве независимых государств трансформировали социальную природу стран региона поверхностно. Создание советского строя, а после 1991 г. моделей авторитарно-плюралистического устройства внешне изменило политический облик этих стран и заложило основы развития большинства из них по пути либеральной демократии. Однако традиционные структуры саморегулирования не были уничтожены и не разложились. Приняв на себя удар большевистской модернизации в 1920–1940-х гг., они смогли выжить благодаря десятилетию “оттепели” 1953–1963 гг., а затем адаптироваться к условиям “позднего СССР” в 1970–1980-х гг. Традиционные структуры нашли себе место в политической системе советского общества, научившись сотрудничать с партийно-бюрократическим аппаратом советской власти.

При этом формальная система государственного управления в Казахстане и республиках Средней Азии выглядела советской, а реальное управление ими шло по двум ветвям: формальной – партийно-советской и неформальной – регионально-клановой. Центральный аппарат КПСС адекватно оценивал ситуацию и стремился не столько изменить ее через искоренение традиции, сколько научиться использовать традиционные факторы для регулирования положения на местах. Система квотирования представительств каждой этнической и региональной группы в структурах официальной власти и ротация представителей разных клановых групп были инструментами влияния Москвы на политику республик.

В результате во второй половине XX в. в этой части СССР раньше, чем в других частях Советского Союза (в Закавказье, например), и в более зрелом

виде сложилась так называемая “сдвоенная” общественно-политическая система. Внутри местных обществ уживались два отчасти автономных друг от друга уклада. Первый уклад представлял собой анклав советского (современного). Второй – анклав родоплеменного, этно-группового, регионального (традиционного). Привычка получать современное высшее образование, заниматься экономической, общественной и политической деятельностью, навыки проведения выборов характерны для первого анклава. Обычай, нормативные прецеденты, своды поведенческих запретов и правил, религиозные регламенты – для второго анклава.

Исследователи отмечают, что после 1991 г. страны региона сохранили анклавно-конгломератный принцип модернизации. В них по-прежнему сосуществуют анклавы современного и традиционного. Традиционное в руках власти “подтверждает” современное, придает ему силу и авторитет. Наложение западных форм демократического правления на местный традиционализм дало жизнь центральноазиатским версиям нелиберальной демократии, которая представляет собой модель политического плюрализма, мера авторитаризма или либеральности которого определяется присущей соответствующим странам культурной традицией во всем, что касается представлений о соотношении свободы и долга, прав индивида и коллектива, личного и общественного интереса.

В то же время А. Богатуров, А. Дундич, Е. Троицкий отмечают, что подобная ситуация не является исключением только для политических систем стран Центральной Азии. Этот путь проходили и такие страны, как Индия, Южная Корея или Япония, на ранних стадиях развития своей политической модели. Все эти страны в политико-социальном отношении представляют анклавно-конгломератный тип, как все государства запаздывающей политической модернизации, включая Россию и Китай [4, с. 12–15].

Российские исследователи Б.И. Макаренко и А.Ю. Мельвиль, анализируя итоги и результаты демократического транзита в посткоммунистических странах, выделяют ряд факторов объективного и субъективного характера, определивших неблагоприятные результаты демократического транзита для стран Центральной Азии.

Так, исследователи отмечают, что объективные предпосылки для демократизации в странах Центральной Азии со всех точек зрения были менее благоприятными, чем во всех остальных частях посткоммунистического мира. В начале преобразований страны региона имели самый низкий уровень социально-экономического развития: ВВП на душу населения на старте транзита в Кыргызстане составлял 1,697 долл., в Таджикистане – 2,080, в Узбекистане –

1,457 и в Туркменистане – 2, 596 долл., и только в Казахстане он был существенно выше – 4, 684 долл.; все страны региона, за исключением Казахстана, имели средние уровни индекса развития человеческого потенциала, с острыми разрывами между благополучными городскими регионами и крайне слабо развитой инфраструктурой в сельской местности.

К объективным они также относят и значение этнического фактора для региона. Все страны региона в начале 1990-х гг. имели заметное меньшинство европейских (преимущественно восточнославянских) национальностей (в Казахстане – почти половина населения), это меньшинство было, как правило, городским и более образованным.

Более важным и напрямую влияющим на политическую трансформацию стран Центральной Азии объективным фактором называется традиционная структура общества, затрудняющая демократизацию. Этот фактор включает в себя и аграрное перенаселение, и клиентелистские системы связи в низах общества, а также клановую структуру всего общества.

Но, помимо объективных, негативную роль в демократизации стран Центральной Азии, по мнению исследователей, сыграли субъективные факторы, связанные с деятельностью политических элит. Над правящими элитами довлел страх появления серьезной оппозиции, которая, по их представлениям, дестабилизировала бы ситуацию. Их страхи были разнообразны (в разных комбинациях): вызов со стороны исламских радикалов (которые, по их представлениям, могли бы получить в условиях свободной конкуренции существенную поддержку в отсталых сельских районах); конкуренция со стороны высокообразованного городского восточнославянского населения; усиление популизма в обществе с высоким имущественным расслоением; но самое главное – вызов со стороны конкурирующих кланов и группировок в правящей элите.

Именно с целью сохранения власти в руках правящей элиты как можно дольше в государствах Центральной Азии (за исключением Узбекистана) проходили многочисленные референдумы по поправкам к конституциям и продлению срока полномочий президентов, реформировались парламенты и менялись избирательные системы, и все эти мероприятия были направлены на укрепление президентской власти. Намеренные изменения институтов власти дополнялись жестким контролем над СМИ и пространством Интернета, избыточным применением административного ресурса и др. Результатом этих процессов явилась не только консолидация власти, но и радикальное сокращение политического плюрализма.

В качестве единственного исключения из этого общего тренда в регионе Б.И. Макаренко и А.Ю. Мельвиль выделяют Кыргызстан. Опаса-

ясь цветной революции, президент А. Акаев прибег к жесткому контролю над парламентскими выборами 2005 г., в результате чего последовал государственный переворот, получивший название тюльпановой революции; новое руководство стало фактической коалицией северных и южных кланов, которые на протяжении первых двух лет делили власть. Постепенно новый президент К. Бакиев добился такой степени концентрации власти и ресурсов, что оппозиция (состоявшая не только из северян, но и из части его собственных южан) восстала и свергла президента. Это произошло вскоре после того, как Бакиев выступил с идеей “консультативной демократии”, при которой оппозиция дает советы и критикует правительство, но не участвует в борьбе за власть. Переходная администрация Кыргызстана разработала новую конституцию, в соответствии с которой во второй раз в современной истории страны предпринимается попытка ввести систему разделения властей. Выборы в октябре 2010 г. привели к образованию многопартийного парламента и многопартийной правительственной коалиции, которая обрела власть в конце 2010 г. и продемонстрировала свою жизнеспособность.

Таким образом очевидно, что на неблагоприятные для демократизации объективные предпосылки в Центральной Азии были наложены действия политических акторов, которые еще более отдалили перспективы демократических изменений.

В целом практика постсоветских государств, в том числе Кыргызстана, показывает, что теории и модели представительства интересов, разработанные и эффективные применительно к условиям западных демократий, не являются таковыми для постсоветских стран; что представительство интересов в каждом постсоветском государстве имеет свои особенности, обусловленные комплексом факторов – экономических, политических, исторических, социокультурных и др.

Несмотря на оптимистичные оценки кыргызстанских реалий российскими исследователями Б. Макаренко и А. Мельвилем, по-нашему мнению, проблема политического представительства интересов на современном этапе не является абсолютно решенной. Выделим возможные в этом плане перспективы для Кыргызстана.

Отдельные исследователи полагают, что либерализация политических систем Центральной Азии окажется возможна не раньше, чем произойдут изменения в культуре стран этой группы. Имеются в виду, прежде всего, сдвиги в базовых представлениях этносов о достаточности или избыточности, привлекательности “свободы” или “несвободы”, индивидуальной конкуренции или общинно-корпоративной солидарности, ответ-

ственности каждого за себя (и равенстве) или покровительстве (и подчиненности) [4, с. 15].

Однако отечественные исследователи считают, что и сегодня можно предпринять определенные шаги в этом направлении, например в рамках парламентской системы, с учетом весомой роли традиционных связей и отношений, трансформировать неформальные договоренности между различными политическими силами, кланами и региональными группами в официальный договор, заключенный в рамках коалиционного правительства, предоставив официальную платформу для представительства их интересов в парламенте и на его основе формировать общий политический курс и руководство страны в зависимости от политического веса его участников.

На более низком уровне, такое представительство региональных, родоплеменных групп и кланов можно реализовать через политические партии, обеспечивая им возможность последующего расширения электората на всю территорию страны и постепенное достижение деятельности общереспубликанского уровня. Таким образом можно вывести из тени влияние различных социально-культурных и экономических групп и официально представить им возможность участия в функционировании парламентской формы правления, обеспечивая их интеграцию в политический процесс [3, с. 20].

В преддверии предстоящих парламентских выборов осенью 2015 г. проблема представительства интересов приобретает особенное значение и актуальность для Кыргызстана. В связи с чем становится очевидной необходимость выработки и применения собственной модели представительства интересов, эффективной для кыргызстанского общества, для чего необходимы не только наличие в обществе разнообразных интересов, но и продуманная стратегия, политическая воля со стороны государства и политической элиты.

Литература

1. Политическая трансформация: опыт Кыргызстана в мировом контексте. / авт. колл.: М.Ф. Пухова, А.Б. Элебаева, Ч.Д. Чотаева, Н.С. Эсенаманова; под ред. д-ра филос. наук, проф. А.Б. Элебаевой. Бишкек: Илим, 2002.
2. *Тодуа З.* Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева / З. Тодуа // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3 (39).
3. *Чотаев З.Д.* Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы / З. Чотаев. Бишкек, 2012.
4. *Богатуров А.Д. и др.* Центральная Азия: “отложенный нейтралитет” и международные отношения в 2000-х годах / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, Е.Ф. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010.